

Уникальные места Земли

ОСТРОВ ПАСХИ

Таинственные места Земли

Николай Непомнящий

Остров Пасхи

2005

Непомнящий Н. Н.

Остров Пасхи / Н. Н. Непомнящий — 2005 — (Таинственные места Земли)

В книге рассмотрены самые увлекательные загадки острова Пасхи: как и откуда появились здесь люди; почему и каким образом стали они возводить знаменитые каменные статуи; в чем тайна почти полного исчезновения аборигенов; была ли у островитян письменность и что скрывают обнаруженные здесь, но по сей день не расшифрованные деревянные таблички ронгоронго. Затронуты автором и многие другие любопытные вопросы. Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего тем, кто интересуется путешествиями и проблемами народов тихоокеанских островов.

Содержание

ОСТРОВ НЕРАЗГАДАННЫХ ТАЙН	5
Как попасть на остров Пасхи?	5
Европейцы приходят на остров Пасхи	6
Остров и его география	11
ЧАСТЬ I.	18
Восток или Запад?	18
Тур Хейердал и экспедиция «Кон-Тики»	19
«Кон-Тики» – скрытые факты	24
Ветры, течения и навигация	25
Устные предания	27
Ботанические данные	30
Искусство и артефакты	32
Лингвистика	37
А что говорит антропология?	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Николаевич Непомнящий

Остров Пасхи

ОСТРОВ НЕРАЗГАДАННЫХ ТАИН

Как попасть на остров Пасхи?

С 1980 года туризм стал немаловажной статьёй доходов островитян, а в 1998-м число приезжавших на остров за год перевалило за двадцать одну тысячу. В основном это были граждане Чили (остров является территорией этого государства) США, Германии и Франции. Самое удобное время для посещения острова Пасхи – лето. Оно здесь с декабря по март. В этот период на острове бывает много чилийских студентов, которые любят проводить тут каникулы.

Отечественным туристам добраться до острова сложновато. Вначале надо добраться из Москвы до Сантьяго, этот полет займет около шестнадцати часов. Прямых рейсов сейчас нет, поэтому возможны пересадки. Из столицы Чили на остров летают самолеты компании «Лан-Чили», однако согласовать ваш прилет в Сантьяго и вылет на остров Пасхи нужно заранее в той фирме, которая готовит вашу поездку. Можно посетить остров и во время морского круиза по Тихому океану, однако недостаток такой поездки в том, что корабль очень недолго стоит у берегов острова, и вы не успеете толком все посмотреть.

Европейцы приходят на остров Пасхи

С тех пор как европейцы открыли для себя остров Пасхи, это место стало попеременно приносить и радость, и разочарования для всего мира. Хотя, конечно, все радикально изменилось после первого приезда европейцев, и тем более после появления здесь миссионеров, основавших в 1864 году первую христианскую миссию.

Испанцы утверждают, что их соотечественник, правда, с португальским именем, Альваро де Менданья, был на острове, когда путешествовал по южной части Тихого океана; он, безусловно, обследовал некоторые острова, включая южную группу Маркизских островов, но нет документального свидетельства того, что он побывал на острове Пасхи, как нет и точного описания всего его маршрута. Существует и другое предположение. Некоторые считают, что именно об этом острове, расположенном на 27° южной широты, писал английский пират Эдвард Дэвис в 1687 году, хотя остров вряд ли подходит под его описание: «...равнинный и песчаный остров всего в 500 милях от Чили, с «длинной полосой возвышенностей» примерно в 12 лье на запад». Вероятно, он ошибся насчет широты; кроме того, никто из его команды не сходил на берег. В его отчете никак не упоминаются бесчисленные огромные монолиты, которые должны были броситься ему в глаза.

Аэрофотосъемка аху Тонгарики – крупнейшего «скопления» истуканов острова Пасхи

Мы никогда не будем точно знать, какие суда заходили на остров в средние века или ранее и были ли таковые. Но один ученый, Роберт Лэнгдон, утверждает, что пропавшая в 1526 году испанская каравелла «Сан-Лесмес», разбилась о риф восточнее Таити; некоторые члены ее команды женились на полинезийцах; их потомки добрались до острова Пасхи и продолжили род басков; их до сих пор можно найти среди местного населения. Теорию Лэнгдона подтверждают генетики: анализ групп HLA (это система, используемая при изготовлении медицинских трансплантатов) показал, что восемнадцать человек с острова Пасхи обладают комбинацией генов, которая часто встречается как у басков («белок крови басков»), так и во многих других

районах земли. Они могут исторически восходить к одному островитянину, жившему в XIX веке, и подтверждают, что у кого-то из его родителей был «белок крови басков». Одна – ко в этих анализах отсутствует хронологическая составляющая, и мы никогда не узнаем, когда этот белок «появился» на острове. В разные века в этой части Тихого океана появлялись сотни китобойных судов, и баски в этой отрасли обычно превосходили числом все другие народы. Мы почти ничего не знаем о курсах, которыми шли их суда, или о подходах к берегам всех этих несомненно сильных команд.

Официально признанное открытие острова было сделано голландским капитаном Якобом Роггевеном 5 апреля 1722 года; примерно в 5 часов дня остров заметили с «Африканской галеры», одного из трех судов под командованием Роггевена. В судовом журнале есть запись первой встречи с островом: ««Африканская галера», судно, плывшее впереди, по ветру... дало сигнал, что видна земля... равнинный остров... мы дали острову название остров Пасхи, потому что он был обнаружен и открыт нами на Пасху».

У Роггевена, юриста по образованию, была любопытная привычка называть острова в связи с незначительными событиями, которые происходили во время его приезда. И уж конечно, он редко спрашивал местных жителей о том, как они сами называют свои земли...

На следующий день моряки заметили клубы дыма, которые поднимались из разных мест, «из чего можно было с уверенностью заключить, что остров населен людьми, хотя он и выглядит песчаным и неплодородным». (Позднее голландцы определили, что то, что издали выглядело как песок, на самом деле было сеном или другой подожженной растительностью.)

В тот день высадиться на берег было невозможно из-за «очень неподходящей погоды с громом, молнией, с сильным дождем и северо-западными ветрами». На следующее утро к судам приблизилось каноэ, которое преодолело расстояние примерно в 5 км, с островитянином, хорошо сложенным пятидесятилетним мужчиной, с козлиной бородкой. Он был «полностью обнаженным, даже без набедренной повязки. Этот бедный человек был очень рад встрече с нами и выражал восторг по поводу конструкции нашего судна».

На другой день европейцы сами ненадолго съездили на остров и сделали первые записи, касающиеся культуры туземцев:

«Что касается религии этих людей, мы не могли разобраться в ней из-за краткости нашего пребывания; мы заметили, что они жгут костры перед довольно высокими каменными идолами... мы были поражены, увидев эти каменные изваяния, так как не могли понять, каким образом этим людям удалось воздвигнуть подобные фигуры без помощи каких-либо машин, ведь они не располагали пиломатериалами для их создания. Некоторые из этих фигур были 30 футов в высоту и с пропорциональной толщиной».

Дюше де Ванси, художник французской экспедиции 1786 года, изобразил островитян с европейскими лицами, пытающимися украсть у французов приглянувшиеся им вещицы. Руководитель экспедиции граф Лаперуз измеряет гигантскую статую и пукео, то есть ее каменное основание

Можно с иронией отнестись к тому, что Роггевен искал остров, который уже был описан Дэвисом за тридцать пять лет до него; журнал Роггевена не был известен до 1838 года, но его офицер Карл Беренс в 1739-м опубликовал романтизированный, недостоверный рассказ, в котором преувеличивал свою роль.

Возможно, голландцы не были первыми европейцами, побывавшими на острове, ведь их появление не вызвало никакого удивления у островитянина, который поднимался на борт их судна. Если бы туземцы никогда не общались с представителями остального мира и считали бы Рапа Нуи единственным населенным местом на земле, можно представить, какая паника и ужас охватили бы их при виде трех плывущих кораблей, на которых было много белокожих людей. В наши дни люди так же отнеслись бы к прилету НЛО. Но гость Роггевена продемонстрировал дружескую непринужденность и любопытство. Как отметил Корнелис Бауман, капитан второго голландского судна «Тинховен», чей отчет увидел свет лишь в 1910 году: «Островитяне совсем нас не боялись».

Ранние европейские исследователи, начиная с Роггевена, сделали полезные наблюдения, связанные с этнографией острова и памятниками древности, но в их отчетах присутствовали преувеличения (особенно по отношению к размерам статуй) и часто встречались неточности: например, голландцы считали, что статуи сделаны из глины, и описывали фигуры, «одетые в длинные одежды, скрывавшие их полностью»; испанцы писали, что у статуй были улыбки до ушей и не было рук, тогда как на известной картине, сделанной во время визита французского исследователя графа де Лаперуза в 1786 году, и людям, и статуям придана европейская внешность. Некоторые путешественники недолго были на острове (голландцы сходили на берег всего на один день, а французы под руководством Лаперуза провели на острове лишь два часа) или записывали свои воспоминания намного позднее. Другие мало что рассказали: участники испанской экспедиции, отправившейся из Перу в 1770 году, не опубликовали о посещении

острова Пасхи ни строчки, и мы можем лишь познакомиться с их судовым журналом, который не издавался до 1908 года.

Настоящая научная работа началась только с приездом капитана Джеймса Кука в 1774 году. Кук отправился из Плимута 13 июня 1772 года на двух кораблях, «Резолюшн» и «Эдвенчур», с намерением обойти вокруг Земли по самой южной широте в надежде найти воображаемый южный континент. Впервые в истории эта экспедиция пересекла Южный полярный круг и проплыла ближе всех к Южному полюсу. Однако недели плавания в этих ледяных водах ослабили команду, началась цинга. Кук страдал от серьезного воспаления желчного пузыря, его спас бульон из свежего мяса, который приготовили, пожертвовав любимой собакой его биолога Форстера.

Именно из-за этих обстоятельств Кук приказал экспедиции плыть на север, рассчитывая достичь какого-нибудь полинезийского острова, где команда сможет восстановить силы. 1 марта 1774 года матросы заметили остров Пасхи, и Кук исследовал его скалистый берег для того, чтобы выбрать место подходящей швартовки. На следующий день к кораблям подплыли на небольшой лодке двое островитян и угостили команду бананами, один из них поднялся на борт и измерил длину судна. Затем Кук с несколькими товарищами спустился на берег, чтобы обменять прихваченные для этих целей блестяшки, гвозди, стекло и одежду на картошку, бананы, тростниковый сахар и цыплят. Еще чувствуя себя больным, Кук остался на берегу, но отправил небольшой отряд в глубь острова на разведку. В экспедиции Кука был таитянин Махин, который мог немного объясняться с островитянами.

Незадолго до начала его экспедиции Куку рассказывали о посещении острова Пасхи испанцами в 1770 году, но исследователь не планировал сходить здесь на берег. Англичане пробыли на острове четыре дня и затем уплыли. Как записывал сам Кук: «Мы не могли понять, как эти островитяне, не располагая никакой механической силой, могли поднять такие колоссальные фигуры, а затем поместить большие цилиндрические камни им на головы».

Четырьмя годами ранее испанский капитан Филипп Гонсалес-и-Хаэдо (после Роггевена он был первым, кто посетил остров) записал нечто похожее в свой журнал, добавив: «Этот вопрос стоит хорошенько изучить».

Самые ранние археологические раскопки были проведены на острове Пасхи моряками с немецкой канонерки «Гиена», которой командовал капитан Вильгельм Гейзелер, в сентябре 1882 года пробовавшей на острове четыре дня. Основной целью экспедиции был сбор этнографического материала для Берлинского императорского музея. Исследователи сделали первое детализированное этнографическое описание острова, а также раскопали пол одного из домов в Оронго и несколько *hare moa* (каменных «курятников»).

Первая настоящая археологическая работа была проделана американской командой с «Могиканина» в 1886 году (с тех пор до последних десятилетий основное внимание исследователей сосредоточивалось на заметных и впечатляющих руинах: статуях, карьерах, платформах и каменных домах). Американцам (главным образом кассиру Уильяму Томсону и судовому хирургу Джорджу Куку) удалось тогда выполнить огромный объем работ всего за одиннадцать дней, включая: описание 555 статуй; подробный отчет о 113 платформах; отчет о культовой деревне в Оронго; описание многих других деревень, пещер, могил, наскальных изображений, картин; небольшие раскопки в кратере Рано Рараку; сбор информации, касающейся легенд и языка; коллекцию многих предметов, включая две дощечки для письма.

Смелая англичанка миссис Кэтрин Скорсби Рутледж во время Первой мировой войны провела на острове семнадцать насыщенных событиями месяцев. Результатом ее поездки стала замечательная книга. Рутледж осуществила много исследований и раскопок, а также сделала серию потрясающих фотографий, которые составили бесценный архив острова и его памятников того времени. Женщина так самозабвенно собирала всю возможную информацию, что не

побоялась отправиться даже в поселок прокаженных, чтобы поговорить с пожилыми островитянами, записать их воспоминания и описать обычаи.

В 1934 – 1935 годах в составе франко-бельгийской экспедиции на остров Пасхи прибыли археолог Генри Лавачери и этнограф Альфред Метро. Они жили здесь пять месяцев. Первый обратил особое внимание на наскальную живопись, тогда как второй выполнил серьезное исследование обычаев местного населения. Пастор Себастьян Энглерт (1888 – 1969) сделал первое полное исследование аху (платформ) и провел бесценную работу по изучению языка и традиций островитян.

В 1955 году произошел прорыв в деле изучения острова Пасхи: первая экспедиция Тура Хейердала привезла сюда команду археологов, включая Уильяма Мюллойа (1917 – 1978), который стал выдающимся экспертом по археологии острова. Эта экспедиция провела археологические раскопки в разных местах, выработала временную последовательность из трех периодов и сделала датирование древних находок по радиоуглеродному методу и обсидиану. Они также взяли образцы пыльцы местных растений и провели интересные эксперименты, связанные с резьбой, транспортировкой и возведением статуй. Вскоре были опубликованы две большие научные монографии об острове Пасхи, появился ряд популярных работ на эту тему. Мюллой продолжал работать на острове до своей кончины в 1978 году. Он занимался не только раскопками и исследованиями, но ему также удалось восстановить несколько памятников и часть Оронго. Его прах покоится на Рапа Нуи.

В последние десятилетия появились книги о новых исследованиях острова. Обычно их проводили либо ученики Мюллойа или те, кого вдохновил его пример. Развивая работу своих предшественников, исследуя разные аспекты истории острова Пасхи, которыми ранее пренебрегали, эти специалисты добились большого успеха, заполняя пробелы в наших знаниях о расцвете и упадке уникальной и загадочной культуры острова. Так, в начале 1980-х годов чешский инженер Павел Павел, вдохновленный трудами Тура Хейердала и с его помощью отправился на остров Пасхи, чтобы доказать, что островитяне умели сами передвигать значительные расстояния огромных каменных истуканов непосредственно после их изготовления в карьерах. Ему удалось показать это всему миру!

Остров и его география

Ни одна нация не будет бороться за право считаться первооткрывателями острова Пасхи, потому что он чрезвычайно неудобен для отдыха и стоянки судна.

Капитан Джеймс Кук

Остров Пасхи, крошечное пятнышко в южной части Тихого океана, является одним из наиболее изолированных населенных мест на планете и самым восточным обитаемым островом Полинезии.

Он расположен на 27° южной широты, 109° западной долготы, около 2092 км юго-восточнее острова Питкэрн, ближайшего обитаемого соседа, ставшего домом для потомков мятежников с английского корабля «Баунти». Ближайший город в Южной Америке – это Консепсьон в Чили: 3599 км на юго-восток. Острова Галапагос, которые сыграли ключевую роль в создании теории эволюции Чарлза Дарвина, расположены в 3474 км к северо-востоку.

Огромный кратер Рано Кау, что в нижнем углу островного треугольника, виден даже из космоса

К югу от острова простираются лишь воды Тихого океана, в которых множество моряков, включая капитана Кука, безуспешно искали большой южный континент. В конце концов, они достигли Антарктики, но значительно южнее, чем предполагалось, к тому же она оказалась покрытой огромными толщами льда.

Возможно, современные ученые, которые живут на Южной полярной станции, могут пожаловаться на еще большую степень изоляции, нежели жители острова Пасхи. Но полярные

исследователи работают там временно и зависят от постоянного обеспечения всем необходимым с континента. Отличие острова Пасхи состоит в том, что на протяжении многих столетий он был постоянно заселен и большую часть этого времени был независимым и полностью изолированным от остального мира.

Теперь на остров можно добраться за пять часов на огромном самолете, принадлежащем чилийской авиакомпании «Lan-Chile». Вылетев утром из Сантьяго, вы направляетесь на запад чуть медленнее солнца, и если верить вашим часам, то вы окажетесь на месте примерно через полчаса. Есть и другой маршрут. Можно вылететь с Таити, и если расстояние полета будет примерно тем же, то, поскольку время в этом случае будет работать против вас, шестичасовой полет превратится в десятичасовой. Радуйтесь! В конце концов, вам не пришлось столкнуться с трудностью пересечения демаркационной линии времени (международного часового пояса) и прилететь раньше вылета, как леди в известном лимерике. Линия времени проходит в Тихом океане значительно западнее – между Таити и Фиджи.

При первом взгляде на остров из окна самолета невозможно рассмотреть, какие удивительные достопримечательности он таит. Остров имеет треугольную форму и довольно симметричен, со сторонами протяженностью в 22,18 и 16 км – следовательно, его территория составляет лишь 171 км². Главные пики скал острова Пасхи расположены по одному вблизи каждого угла треугольника и резко отличаются от скалистых вершин на Гавайях или Таити. Они твердые и круглые, как и Юрские вершины на Шотландских Гебридах. Самая высокая вершина острова Пасхи, Теревака, находится на севере. Она поднимается на 510 м над уровнем моря. Пойк – вершина пониже (достигает 460 м) – находится на востоке острова. Третья вершина Рано Кау на юго-западе равна лишь 300 м, но она особенно интересна, поскольку в ее центре находится огромный круглый кратер 1,5 км шириной.

Вокруг острова Пасхи имеются прибрежные островки. Особо выделяются два, расположенные на юго-западе острова Пасхи – Моту Нуи и Моту Ити.

По мере снижения самолета начинают проявляться странные особенности ландшафта. Скалы вдоль многих участков побережья сформированы под воздействием постоянно бьющихся о них волн. На острове много вулканических кратеров – создается почти лунный пейзаж, правда, нарушаемый скудной растительностью. На вершине Пойк кроме небольшого центрального кратера есть еще три странных круглых холма, которые стоят в ряд по направлению к побережью.

Конечно, остров имеет вулканическое происхождение. Попытки обнаружить гранитные или осадочные породы, такие как известняк или песчаник, провалились, так же как не было найдено никаких следов минералов, характерных для материковой породы. Это тяжкий удар для искателей в этих местах следов «потерянного континента». Зато вулканы могут находиться и на континентах, и в океанах. Геологи считают, что большинство островов в океанах имеют вулканическое происхождение. Это вершины гор, которые постепенно поднимались из океанских пучин, пока не показывали свои макушки над поверхностью воды.

Современная геологическая теория дает ясные объяснения подобным особенностям. Во всех основных океанах есть разломы земной коры, откуда постоянно поступает и со временем затвердевает жидкая порода. Эти разломы показывают границы между тектоническими плитами земной коры, из-под них к поверхности вырываются потоки расплавленных пород. В результате субдукции – процесса пододвигания одной тектонической плиты под другую, происходит выброс определенного количества лавы на поверхность океана. Это приводит к образованию гор – в данном случае это Анды у восточного берега и Южные Альпы Новой Зеландии – у западного берега Тихого океана. Когда выброс лавы из океанских трещин идет чрезвычайно бурно, тогда его называют «горячей точкой». Остров Пасхи расположен как раз над такой «горячей точкой», поэтому не удивительно, что из расплавленной вулканической породы получилась гора высотой почти 3000 м – это настоящая высота вулкана острова Пасхи, если изме-

рять его от дна океана. Если бы 2000 м не были скрыты под водой, мы бы в полной мере оценили эту великую гору!

Означает ли это, что остров Пасхи до сих пор является действующим вулканом и в любой момент может произойти его извержение? Возможно. По геологическим стандартам этот вулкан сравнительно молод (по крайней мере, его надводная часть). Последние исследования показали, что возраст его старейшей части (вершина Пойк) составляет всего 500 000 лет. За ней следует Рано Кау, здесь можно разглядеть пласты со следами многочисленных выбросов лавы: самые низкие (а значит, и самые старые) пласты насчитывают 300 000 лет. Возраст Тереваки составляет менее 400 000 лет. Совсем недавно (по некоторым оценкам, лишь 2000 или 3000 лет назад) в его юго-восточной части был выброс большого потока лавы. Но последний взрыв активности, по нашим данным, произошел 12 000 лет назад, что по геологическим меркам было почти вчера. Извержение могло произойти на одном из бесчисленных второстепенных пиков, которые разбросаны по склонам Тереваки. На острове имеется около семидесяти древних вулканических центров, каждый с пепельным пиком. Однако за всю историю проживания на острове людей здесь не было вулканической деятельности. Данный вывод подтверждается и тем, что в островном фольклоре извержение вулкана никак не отражено.

Вулканы формируют самые разнообразные типы скал, и многие из них представлены на острове Пасхи. Все три пика состоят в основном из базальта, который является просто затвердевшей лавой. Обычно это твердая, почти черная порода, которую на расстоянии по ошибке можно принять за уголь. Он часто встречается в пластах, представляющих отчетливые потоки лавы, эта особенность хорошо просматривается в скалах Рано Кау. Вертикальные соединения, похожие на колонны, образованы от усадки лавы по мере ее остывания и затвердевания. Многочисленные пещеры, ставшие известными благодаря книге Тура Хейердала «Аку-Аку», чаще всего являются туннелями из лавы. Они возникли, когда выброшенная лава затвердела снаружи, а внутри продолжала нестись вниз, оставляя трубчатый провал. На Тереваке в некоторых пещерах разрушились верхние части, открывая длинные каверны от 10 м и длиннее, иногда остается лишь тонкий слой поверхности, 30 см. Таких пещер на острове много, поэтому основная часть осадков попадает под землю, оставляя без воды большие площади острова. По сути, нигде на острове нет постоянных рек; во время сильных ливней от Тереваки к морю несетя ручей, но из-за отсутствия высоких центральных плоскогорий не происходит образование каналов, рек и долин.

Большая часть наносного базальта на Тереваке имеет очень неровную поверхность, создавая впечатление свежего потока лавы. Может быть, именно это обстоятельство заставило геолога П.И. Бэйкера предположить, что возраст местного базальта равен 2000 годам, но эта оценка еще нуждается в проверке.

Встречается чрезвычайно твердый базальт. Во время раскопок в Арои (на Тереваке) были обнаружены инструменты, которыми пользовались, видимо, для высекания гигантских статуй и плит для фундаментов домов. Большинство инструментов с заостренными концами. Найдены также наконечник копья и инструменты для деревообработки. Все они были сделаны из обсидиана, черного вулканического стекла, которое получается, когда лава остывает столь быстро, что не успевает кристаллизоваться в базальт. На острове существует множество открытых залегающих обсидиана, самые значительные расположены вокруг Рано Кау и на Моту Ити. Каждая из этих пород имеет определенные минералогические характеристики, поэтому мы можем сказать, что местные жители очень высоко ценили обсидиан с Моту Ити, если отправлялись за ним в рискованное плавание на лодках.

За некоторым исключением огромные статуи сделаны из пористого вулканического туфа, взятого с Рано Рараку, второстепенного пика на склоне Тереваки. Туф – это горная порода, образованная из вулканического пепла, выброшенного во время извержения, затем уплотнив-

шаяся и затвердевшая. Однако она остается намного мягче, чем базальт, поэтому ее и использовали для резьбы.

Береговая линия острова Пасхи нетипична для полинезийского острова – отсутствуют коралловые рифы. Здесь растут небольшие кораллы, но зимой температура в океане опускается до 21 °С, она слишком низка для того типа кораллов, который формирует рифы. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание широту, находящуюся за южным пределом тропиков. Однако это означает, что берег не защищен от штормов. Бушующие волны вызывают эрозию, вода поднимается иногда на высоту 300 м вокруг Пойка, Рано Кау и северной части Тереваки. Только южный берег избежал размывания, его береговая линия во многом состоит из отлогих склонов. Но и он пострадал от разрушительного шторма. Это произошло в 1960 году, во время сильнейшего землетрясения в Чили. Это вызвало 8-метровую волну цунами (приливную волну), которая протащила 15 статуй, весом до 30 тонн, с платформы Тонгарики в глубь острова, разломав и расколов их на тысячи частей.

На побережье есть несколько песчаных пляжей. Их можно найти в Анакене на северном берегу и в заливе Лаперуза неподалеку. В большинстве мест судам трудно подойти к берегу, особенно если они больше каноэ. По легенде Хоту Матуа, первооткрыватель острова проплыл вокруг него на двух своих каноэ, прежде чем пристал к берегу в Анакене.

Под влиянием субтропических температур и умеренных осадков скалы острова Пасхи постепенно выветривались, что привело к образованию бурой и красной почвы, которая довольно плодородна. Хотя на первый взгляд остров кажется малопригодным для возделывания сельхозпродукции: в некоторых местах от 80 до 95% поверхности покрыты слабо сцементированными породами, однако кое-где (например, на Пойке) они занимают лишь 10%. Есть на острове суглинок и глинозем.

Температурные условия здесь можно считать практически идеальными для роста многих видов деревьев. Среднегодовая температура равна 20,5 °С, с небольшими сезонными различиями.

Самыми теплыми месяцами являются январь и февраль, а самыми прохладными – июль и август. Между дневными и ночными температурами есть лишь небольшое различие, а мороза здесь не бывает никогда. В течение года довольно неравномерно выпадают осадки, в среднем 1,198 мм. Самое дождливое время обычно с марта по июнь, несколько месяцев может продолжаться засуха. Самый засушливый месяц – сентябрь. Количество выпадающих осадков значительно отличается в разные годы (от 1,550 мм в 1948-м до 766 мм в 1953-м), равно как и в разные месяцы.

Видимо, по причине сильнейшей засухи деревья не смогли здесь прижиться самостоятельно. Конечно, в XX веке ситуация изменилась, появились привезенные взрослые деревья нескольких видов, их посадили вокруг основной деревни в Ханга Роа и в других местах острова. Остается открытым вопрос, были ли более сильные засухи в прошлом, как предполагают некоторые ученые, такие как австралийский этнограф Грант МакКол, но к нему мы вернемся позднее.

Остров, без сомнения, является очень ветреным местом. Ветра считаются основным климатическим фактором, на острове редко бывают безветренные дни. Они дуют в основном с востока и юго-востока с сентября по май и с севера и северо-запада в остальное время года. Случаются и сильные бури, что создает значительные проблемы для судоходства, ведь на острове нет хороших гаваней. Хотя бури значительно затрудняют рост деревьев, ветер не может быть единственной помехой для растительности. Она может состоять только из кустарников, но все-таки борется за существование, даже когда ветер приносит соленую воду с моря, а это всегда вредит растениям. Как бы то ни было, на острове Пасхи есть зоны, особенно внутри кратера Рано Кау, которые полностью защищены от ветра. По сути, Рано Кау представляет собой что-то вроде естественной теплицы. На его склонах растут виноград, инжир и бугенвил-

лия, которая буйно цветет с тех пор, как ее привез отец Себастьян Энглерт. В общем, остров Пасхи обладает достаточным потенциалом, чтобы стать плодородным местом. Его площади могут быть заняты сельскохозяйственными угодьями или лесом.

Однако отсутствие поверхностных вод является существенным недостатком. Высокая температура и влажность приводят к быстрой химической эрозии почвы, что часто ведет к выщелачиванию; высокие температуры почвы означают, что очень быстро идет испарение. Неизбежным результатом чрезмерного испарения и пористой почвы являются плохой дренаж и слабое сохранение влаги.

Описание острова Пасхи было бы неполным без упоминания о Салас-и-Гомес. Это небольшой риф, расположенный в 415 км на северо-восток от острова. Он занимает 300 м в длину во время отлива и уменьшается до 70 м во время прилива. Он постоянно мокрый от соленых брызг и на нем растут только четыре вида растений. Здесь есть небольшая впадина, в которой иногда собирается чистая пресная вода. В период гнездования сюда в большом количестве слетаются морские птицы. Хотя пристать к берегу возможно лишь в период полного затишья, жители острова Пасхи утверждают, что они регулярно приезжали на Салас-и-Гомес, чтобы собрать яйца птиц и птенцов для пополнения запасов еды. Обратное путешествие на каноэ должно было быть опасным и утомительным делом.

Острова являются важной естественной лабораторией, где эволюция происходила на небольшой территории, что проще понять, чем на примере большого континента. Флора и фауна острова Пасхи всегда были бедны из-за его чрезвычайной изолированности. Здесь нет позвоночных животных, имеются только два вида маленьких ящериц. Считается, что они попали на остров вместе с людьми, как безбилетные пассажиры. Съедобную полинезийскую крысу люди привезли с собой специально. Позже ее вытеснила европейская крыса. Нет доказательств того, что поселенцы привозили свиней. Это довольно странно для полинезийцев, у которых свиньи были давно одомашнены. Также мы не располагаем данными о том, что у аборигенов имелись собаки. Однако память о собаках у них сохранилась, потому что когда на остров привезли кошку, аборигены назвали ее «кури». В Полинезии так обычно называют собак. После того как в 1866 году на остров завезли кроликов, короткое время их было предостаточно, но к 1911 году они вымерли, уничтоженные островитянами, – возможно, это единственное место на земле, где кроликов съедали быстрее, чем они могли размножиться! Баранов, свиней, лошадей и крупный рогатый скот завезли в 1866 году. Они сохранились до сих пор, количество их периодически меняется. Завезли сюда и коз.

Единственной сухопутной хищной птицей острова Пасхи является небольшой сокол, который, очевидно, питается насекомыми. Он тоже привезен на остров, равно как чилийская куропатка и южноамериканский тинаму. Иммигранты привезли с собой курицу, которая была их главным мясным продуктом, ее называли «моа» по-полинезийски. Иногда большое количество кур погибало. На острове Пасхи некоторые куры до сих пор несут голубые яйца, и считается, что это их отличительное свойство. Похожие яйца несут куры в Южной Америке, что, возможно, указывает на контакт этих двух территорий в прошлом; но непонятно, предполагает ли это иммиграцию людей, и если да, то в каком направлении?

Перелетные морские птицы иногда залетают на остров, но в настоящее время их количество и разнообразие уменьшаются. До поселения здесь людей морские птицы должны были гнездиться не только на прибрежных островках, как они делают сегодня, но и на самом острове и, может быть, в большом количестве, как на необитаемом острове Хендерсона на северо-западе. В 1930-х годах на островке Моту Нуи Альфред Метро нашел не только темно-коричневую крачку, которой знаменит остров, но также буревестника, серую крачку, олушу и фрегата.

До приезда колонистов млекопитающие и черепахи жили на острове в небольшом количестве, их кости редко попадают в археологических раскопках, хотя черепахи панцири иногда использовались для изготовления декоративных предметов; рыбы было гораздо больше –

определено 126 видов, но сравните эту цифру с 450 видами, существующими на Гавайях, или более чем 1000 видов на Фиджи! Отсутствие коралловых рифов также означает, что существует ограниченное количество моллюсков, хотя их активно вылавливали.

Фауна, представленная беспозвоночными животными, также невелика. В основном она привозная. Есть несколько видов пауков, насекомых, червей, улиток. Сверчков и скорпионов сюда явно завезли, так же как и вездесущих больших тараканов.

Хотя в наши дни гость острова Пасхи может при желании найти здесь около ста видов цветущих растений и папоротников, нет никакого сомнения, что большинство из них были привезены на остров недавно. Много декоративных растений, таких как настурция и лаванда. Есть хлебные злаки, авокадо и фасоль. Есть большие деревья, включая эвкалипт и кипарис. Много просто сорной травы, например одуванчиков. Иногда растения завозили специально, но чаще всего они попадали на остров случайно, особенно это касается сорняков. В островных легендах упоминается, что некоторые виды растений завезли первые поселенцы.

В 1956 году шведский ботаник Карл Скоттсберг выделил лишь сорок шесть «туземных» видов растений, и с тех пор к этому списку прибавилось лишь два вида. Не существует никакого другого океанского острова, сопоставимого по размерам, геологии и климату с островом Пасхи, на котором была бы столь же бедная флора. Даже если допустить, что некоторые важные виды растений и исчезли к настоящему времени, ясно, что природная среда острова Пасхи являлась чем-то особенным. Изучение родной флоры основано на ее систематике, рассеивании и известном распространении за пределами острова. Определенные виды являются эндемичными (то есть свойственными данной местности), и так как они не распространены вне острова, скорее всего имеют островное происхождение. Другие встречаются на многих тропических и субтропических побережьях. Их семена попадают в морскую воду, сохраняя жизнеспособность, поэтому их тоже можно считать местными растениями. В других случаях семена приносит ветер – в первую очередь это папоротники, чьи споры очень легки. Третий возможный вариант расселения растений – перенос птицами. Семена могут попадать в землю с перьев, клюва или из желудка птицы.

Мы знаем, что некоторые виды растений (эндемичные) существовали достаточно долго, чтобы иметь отличия в развитии от своих родственников в других местах. Нам также известно, что острову по меньшей мере полмиллиона лет, и большую часть этого времени Земля была во власти ледникового периода. Из-за перемещения океанской воды, необходимой для образования массивных полярных ледовых шапок, уровень моря за ледниковый период понизился по меньшей мере на 100 м, и, возможно, временами еще больше. В Тихом океане чрезвычайно много подводных островов (подводных гор). Хотя многие из них расположены сейчас слишком глубоко и не выходили на поверхность в результате ледникового понижения уровня моря, история тихоокеанских островов в целом связана с этим прогрессирующим понижением, сочетающим морскую и поверхностную эрозию и тектоническое оседание. Таким образом, подводные горы могли быть выше в прошлом. Все эти факторы позволяют предположить, что раньше возможность распространения растений была выше, чем сейчас.

Еще одной, возможно более важной, причиной, из-за которой распространение растений могло быть более эффективным в прежние времена, является то обстоятельство, что тогда на многих островах была не только более многочисленная популяция птиц, но также имелось значительно большее количество их видов.

Считается, что около половины местных видов растений на острове Пасхи могли появиться там с помощью птиц, треть – с помощью ветра и шестая часть – приплыть по воде. Вопрос, откуда они взялись, мы еще рассмотрим. Сейчас достаточно будет упомянуть, что большая часть островной флоры появилась из Юго-Восточной Азии через Западную Полинезию и лишь ее незначительная часть – из Южной Америки.

Мы уже упоминали ранее, что природная среда острова Пасхи совершенно особенная. Примечательным фактом является то, что Скоттсберг обнаружил только один вид «туземного» дерева и два вида кустарника. Это обстоятельство совершенно не характерно для других «высоких» островов Тихого океана, которые имеют большую лесную флору, и привело к тому, что флору острова Пасхи стали описывать как «дисгармоничную».

Выделенное Скоттсбергом дерево, *Sophora totonigoi*, встречается реже, чем кусты. Оно является эндемичным для острова Пасхи, хотя Скоттсберг считал его близким тому виду, который растет на островах Хуан-Фернандес. Оно принадлежит к тому же роду, что и деревья на островах южных морей. Семена некоторых софор могут плавать в морской воде до трех лет и не теряют всхожесть в течение восьми лет. Из-за истребления жителями и травоядными животными, привезенными европейцами, торомиро стал гибнуть, поэтому во время приезда на остров Тура Хейердала в 1950-х годах он смог обнаружить лишь одно, почти погибшее растение в кратере Рано Кау. С тех пор ни один ботаник не встречал его, то есть этот вид вымер.

Чудесным образом, подобно фениксу, он возродился в Швеции. Хейердал собрал семена с последнего выжившего дерева на острове, и они проросли в ботанических садах в Гётеборге. Там этот вид бурно разросся, как и в ботанических садах Боннского университета. Были предприняты попытки вновь вырастить это дерево на острове; первые попытки были безуспешными, и возникло предположение, что в островной почве отсутствует какой-то жизненно важный ингредиент. Позднее чилийская Лесная служба добилась успеха, но работа продвигается медленно. Недавно было выявлено генетическое отличие существующих экземпляров, а несколько культивируемых экземпляров выжили в Чили и других местах. Совместные усилия привели к разработке плана возрождения этого вида дерева. С большим интересом ученые ожидают результатов работы.

ЧАСТЬ I. ЛЮДИ В ЛОДКАХ

Если речь идет о загадочном острове Пасхи, ни один человек не обладает полными и достоверными знаниями о нем.

Отец Себастьян Энглерт

Восток или Запад?

Фундаментальный вопрос, касающийся коренных жителей острова Пасхи, от которого зависят многие другие проблемы: откуда они приплыли? Морские глубины окружают остров в радиусе 15 км, и он конечно же не является оставшейся частью погибшего континента. Поэтому жители должны были приехать откуда-то и колонизировать его, как это происходило с другими островами Тихого океана. Так откуда же именно они приплыли? С учетом географического положения острова, существуют две основные возможности: с востока (Южная Америка) или с запада (Полинезия).

В 1803 году отец Хоакин де Зуньига впервые выдвинул идею о том, что тихоокеанские острова были заселены выходцами из Нового Света. Он был испанским миссионером на Филиппинах; его мнение основывалось на преобладающих ветрах и течениях. В 1870 году особую связь между островом Пасхи и материком обнаружил сэр Клементс Мархэм (на лекции Дж. Л. Палмера в Лондонском Королевском географическом обществе), он провел аналогии между платформами и статуями острова с подобными находками в Тиауанако (Боливия). В 1930 году группа немецких ученых опубликовала работу, в которой истоки культуры острова Пасхи они усмотрели в доисторическом Перу.

Во второй половине XX века вопрос, откуда прибыли жители острова Пасхи, неоднократно поднимался в печати норвежским исследователем и путешественником Туром Хейердалом. Он разделял мнение о том, что полинезийцы добрались до острова с запада и что их характерные черты оказали доминирующее влияние на его антропологию и культуру в ранние периоды, но Хейердал был совершенно уверен в том, что до полинезийцев на острове появились поселенцы из Южной Америки.

Так как вопрос, откуда прибыли островитяне, имеет важные последствия для оценки их культурного происхождения и развития, мы должны начать с данных, касающихся двух возможных источников.

Тур Хейердал и экспедиция «Кон-Тики»

Преобладающие ветры и течения в этой части Тихого океана имеют решающее значение, и Тур Хейердал использовал их, чтобы подтвердить своё утверждение о том, что Полинезия могла быть заселена только выходцами из Нового Света. Конечно же тот факт, что юго-восточные пассаты дуют большую часть года, позволил Хейердалу попытаться доказать свою теорию с помощью известной экспедиции «Кон-Тики» в 1947 году. В дерзкое путешествие Хейердал и его команда отправились из Перу на бальсовом плоту для того, чтобы продемонстрировать, что простое судно может доплыть по течению до восточной Полинезии по такому «одностороннему морскому эскалатору». В их запасы входили консервы и солнечный дистиллятор для получения питьевой воды из морской, что было необходимым оборудованием для путешествия, которое должно было занять несколько месяцев. Столкнувшись с сильными водоворотами в восточной части Южного экваториального течения, они были вынуждены идти на запад как можно дальше, чтобы их не унесло в обратную сторону.

В 1947 году Тур Хейердал своим плаванием на плоту «Кон-Тики» пытался доказать, что Полинезия была впервые заселена из Южной Америки

Шесть мужчин и попугай теснились в крошечной бамбуковой каюте, а спали на соломенных матрасах и камышовых циновках. Издали их судно напоминало «старый норвежский сеновал... полный бородатых головорезов». Первоначальные волнения о том, что лаги промокнут или веревки перетрут, оказались необоснованными, но трудно было управляться с длинным, тяжелым направляющим веслом. Команда встречалась с опасностями, например,

пришлось сражаться с огромной китовой акулой; во время шторма один из путешественников упал за борт, но все-таки был спасен; а вот попугая смыло за борт, и больше никто его не видел.

Запасы свежей воды испортились через два месяца, их удалось пополнить благодаря сильным дождям. Океан обеспечивал их едой, скумбрию и летучую рыбу ловили с палубы, однажды рыбка приземлилась прямо на сковородку. Рыбы-лоцманы постоянно плыли рядом с плотом, и члены команды развлекались тем, что приманивали акул лакомыми кусочками, а потом втаскивали их на борт за хвост.

В конце концов, после нескольких месяцев полного одиночества, сдружившаяся команда поняла, что они приближаются к земле, когда увидели сотни морских птиц. Проведя 101 день в море, «Кон-Тики» разбился о риф на востоке Таити, в Туамоту.

Опираясь на очевидный успех путешествия «Кон-Тики», Хейердал продолжал расширять и уточнять свою теорию. Сначала он считал, что колонизация Полинезии началась с берегов Южной и Северо-Западной Америки, но после экспедиции остановил свой выбор только на Южной Америке. Более того, он решил, что полинезийцы смогли приплыть на каноэ с запада, но значительно позже, в доисторический период острова Пасхи, разгромив большинство американских индейцев-поселенцев. В своих взглядах он пошел дальше, предположив в своей последней книге по этой теме, что полинезийцы были «привезены на остров Пасхи, по собственной воле или против нее, моряками из древнего Перу – района с более развитой культурой. Возможно, европейцы, жившие в XIX веке, были не первыми «охотниками за рабами», приплывшими из Перу в Тихий океан».

Экспедиция «Кон-Тики» сыграла важную роль в изучении археологии острова Пасхи, она также привела к тому, что многие стали считать Хейердала одержимым своей теорией колонизации с востока. Полагая, что «Кон-Тики» доказала его теорию, касающуюся «постоянных пассатов и сильных сопутствующих течений», он подкреплял свои заявления выборочными фактами из коллективной памяти народа, устных традиций, ботаники, материальной культуры, лингвистики, физической антропологии островитян, создавая общую картину истории острова – картину, которую мы должны изучить сейчас более подробно.

Хейердал настойчиво пытался сравнивать такие «тукутури» с коленопреклоненными божествами из района Тиауанако в боливийских Андах, однако сходство еще не является доказательством южноамериканского влияния на остров Пасхи

Например, Хейердал пересказал поразительное предание об одном островитянине: Александр Салмон, таитянец наполовину, который жил на острове в конце XIX века, утверждал, что люди Хоту Мату приплыли на двух больших двойных каноэ. Их было около трехсот человек, и двигались они с земли, расположенной в направлении восходящего солнца; они приплыли с группы восточных островов под названием Марae-тоe-хау (Место Погребения), из очень жаркой страны.

По мнению Хейердала, эти первые южноамериканские поселенцы привезли на остров ряд растений, включая батат, торомиро, тростник, чилийский перец, хлопок и бутылочную тыкву. Он всегда был уверен, что тростник (*Scirpus girardii*) – растение, преобладающее во всех трех кратерных болотах, – идентичен своему собрату в Перу; он заявлял, что анализ Олафа Селлинга (до сих пор не опубликованный) определил, что пыльца этого растения вдруг начала осаждаться во время раннего периода появления на острове людей и соединилась с частичками сажи. Он также заявлял, что тростник и таваи (*Polygonum acuminatum*, другое водяное растение) должны были быть привезены людьми, потому что они вырастают не из семян, а из новых побегов на корневых отпрысках.

Хейердал годами составлял список инструментов и предметов, найденных на острове Пасхи, которые он считал характерными для Нового Света (хотя и необязательно принадле-

жащих к какому-то одному археологическому комплексу), но которые редко встречались или вовсе отсутствовали в Полинезии. Например, каменные плиты, каменные ступки для мелкого помола, базальтовые чаши, каменные кирки, каменные рыболовные крючки и иголки из косточек. Он также считал, что именно цивилизация Южной Америки была вдохновляющим источником каменных работ и статуй на острове Пасхи. В частности, предполагалось, что огромный фасад из близко подогнанных блоков в Аху Винапу I похож на стены инков в Куско, Перу; и коленапреклоненная статуя «Тукутури» (плита III), обнаруженная на склоне Рано Параку в 1955 году экспедицией Хейердала, часто сравнивалась с такими же статуями с Тиауанако; предполагалось, что она является ранним прототипом, от которого возникли более классические статуи на острове, которые тоже сравнивают со стоящими в полный рост статуями с Тиауанако. Правда, сам Хейердал однажды написал, что классические моаи «не имеют никакого сходства со статуями... на континенте, расположенном к востоку от острова». Он рассматривал подобранные каменные блоки острова Пасхи как сооружения Раннего периода, отличающиеся от любых известных полинезийских видов архитектуры («ни один полинезийский рыбак не был способен задумать, тем более построить, такую стену»); и считал, что три нетипичных вида статуй на острове характерны для доклассического Тиауанако (головы из валуна, прямоугольные колонны с человеческими чертами и коленапреклоненные фигуры). Хейердал неоднократно указывал на огромное сходство между статуями на Маркизских островах XVI века и статуями св. Августина в Колумбии (дата неизвестна, возможно, первые века нашей эры), невзирая на расстояние и хронологию, хотя ни одна из этих групп не имела определенного сходства с материалом с побережья Эквадора, который лежит между ними, и разделяющими их 4500 км открытого моря! Более того, в том, что касается архитектуры домов, он увидел две традиции в их строительстве на острове Пасхи. По его мнению, полинезийцы возводили строения, по форме напоминающие лодку, из столбов и тростника, а американские индейцы строили более сложные сооружения с выступами.

По непонятной причине Хейердал также считал деревянную резьбу на Рапа Нуи не полинезийской по вдохновению и мотиву, особенно «худую длинную мужскую фигуру, с крючковатым носом, напоминающую козла». Хотя он и упоминал, что эта резьба относится к Позднему периоду (к этому времени полинезийцы уже прибыли на остров), он настаивал на том, что предметы свидетельствуют о нетипичных элементах, оставшихся со Среднего и даже Раннего периодов. Довольно странно, что он считал копье (гарпун) из обсидиана (матаа) имеющим большое сходство с инструментами из Перу и Анд, хотя они не встречались до Позднего периода. Он поддержал предположение, выдвинутое Эдвином Фердоном о том, что четыре отметины размером с чашку на скале в Рано Кау были солнечной обсерваторией, приводя это в качестве доказательства их солнцепоклонничества, чуждого остальной Полинезии и привнесенного из культур Нового Света.

Дальнейшие доказательства Хейердал получил из языка жителей острова Пасхи; например, островитяне называли батат *kumaga*, что близко пан-полинезийскому слову *kuumala*, которое произошло от южноамериканского слова *simag*. Он отмечал, что и Рутледж, и Энглерт слышали фрагменты непонятного древнего языка, но даже сами островитяне не могли понять этих слов в то время, когда миссионеры поселились на острове, так что они не были записаны. Хейердал считал, что этот древний язык пришел из Южной Америки; он верил, что родные языки Тиауанако и южного Перу оказались под влиянием языка инков задолго до того, как они могли быть записаны, и поэтому невозможно найти лингвистические доказательства миграций с материка в Полинезию в период, предшествовавший инкам.

Что касается «манускрипта» Ронгоронго, сохранившегося на нескольких деревянных дощечках, Хейердал пытался показать некоторую связь между ним и несколькими южноамериканскими письменами: например, он упоминал о картине, написанной индейцами из Панамы и северо-западной Колумбии, которые раскрашивали деревянные дощечки, на которых записы-

вали песни. Он также указывал на примитивные системы письма, найденные у ранних (после-колумбовых) племен аймара и кечуа в районе озера Титикака, которые как и Ронгоронго использовали систему «бустрофедон», в которой направление строк меняется на противоположное, так что в конце каждой строки нужно переворачивать дощечку вверх ногами. Подобным образом он сравнивал только выборочные мотивы и знаки, взятые из богатой наскальной живописи, и письма со скал острова Пасхи, со всей росписью монолитных ворот в Тиуанако, включающей сомнительные идеограммы.

В своей работе по физической антропологии Хейердал указывал на то, что скелетный материал, которым мы располагаем, относится исключительно к поздним периодам, когда полинезийцы уже обосновались на острове. Таким образом, остается открытым вопрос, к какой расе принадлежало население, жившее здесь ранее. Тем не менее он заявлял, что анализы скелетного материала, сделанные американским антропологом Джорджем Джилом, выявили «черты, которые отклонялись от полинезийской нормы: например, челюстные кости многих черепов были искривлены, напоминая кресло-качалку, – не полинезийская черта, свойственная туземному населению Америки».

Хейердал потратил десятилетия, подбирая доказательства, которые могли бы поддержать его теорию культурного превосходства американских индейцев. Подтверждается ли она при ближайшем рассмотрении? Тщательное исследование показывает слабые места в его вроде бы убедительных доводах; как мы увидим, он опирался на выборочное использование фактов, что привело к неправильным выводам.

«Кон-Тики» – скрытые факты

Хотя путешествие «Кон-Тики» оказалось во многом захватывающим и смелым предприятием, оно не смогло убедительно доказать, что Полинезия была впервые колонизирована выходцами из Южной Америки. «Кон-Тики» была сделана по типу судна, разработанного перуанцами только после того, как испанцы ввели использование парусника. Доисторические перуанцы путешествовали на маленьких плотках, сооруженных из трех бревен, но подталкивали их веслами; они также использовали плоты, связанные тростником, и плоты из надутой тюленьей кожи – что подтверждают тысячи доисторических изображений; но никогда не было найдено изображений большого плота, или каноэ, или парусника. В 1990-х годах на раскопках в перуанском месте Тукуме Хейердал обнаружил глиняный рельефный узор, относящийся к культуре Чиму (1100 – 1200), который он после долгих раздумий интерпретировал как изображение большого судна. И стал доказывать, что некий перуанский король послал 20 000 человек на целой армаде больших кораблей, которые отправились бороздить океан, чтобы найти остров Пасхи!

В действительности на всем перуанском побережье не было известного нам доисторического судна, «чья команда могла бы выдержать длительное морское путешествие». На пустынном берегу Перу не имелось деревьев, необходимых для постройки плотов и каноэ. В южной части Чили существовали каноэ, обшитые тремя слоями досок, но и здесь тоже не использовали парус, а подталкивали веслами и дрейфовали по течению.

Биттманн описывает простую модель деревянного плота, составленного из пяти частей, которая была найдена во время археологических раскопок в Каньямо на севере Чили, относящуюся к VIII веку. Это наиболее раннее археологическое доказательство возможного существования небольшого предшественника сложных бальсовых плотов, известных со времен первых европейских контактов с северным Перу и Эквадором. Но Биттманн не верит, что на подобном маленьком плоту можно было совершать длительные плавания в открытом море. Береговые суда вполне могли и ранее существовать в этих регионах Южной Америки, и могли появиться там независимо, но, как бы то ни было, можно привести веские доводы в пользу того, что именно Полинезия повлияла на начало использования в Эквадоре плотов, пригодных для океанских плаваний, с треугольными парусами, таких как в Мангареве.

Более того, схватка «Кон-Тики» с Южным экваториальным течением – и тот факт, что судно было отбуксировано на 50 морских миль от перуанского побережья – означает, что его путешествие вряд ли можно считать дрейфом. В 1969 году Эжен Савой пытался повторить путешествие без буксировки от побережья, попал в перуанское течение и его унесло к Панаме. Более поздние эксперименты подтвердили, что в лучшем случае Южное экваториальное течение и юго-восточные пассаты принесли бы судно из Перу на Маркизские острова или Туамоту, а не на остров Пасхи. В любом случае сравнение плавания «Кон-Тики» с дрейфом доисторического судна вряд ли можно считать справедливым. Экспедиция «Кон-Тики» была задуманым навигационным плаванием с известным конечным пунктом, и команда пользовалась преимуществами в виде радиосвязи, карт и сложных навигационных приборов.

Мы должны прийти к выводу, что «Кон-Тики» продемонстрировала лишь тот факт, что можно выдержать 101-дневное путешествие между Перу и Полинезией, используя плот с парусом (которым стали пользоваться после контактов с европейцами) и современное оборудование для выживания.

Другой исследователь, Пол Теру, дал более резкую оценку, написав: «Единственным успехом Хейердала за жизнь, полную приятного теоретизирования, стало его подтверждение экспедицией «Кон-Тики», что шесть скандинавов, принадлежащих к среднему классу, могут позволить себе разбить свой плот о коралловый атолл у черта на куличках».

Ветры, течения и навигация

Хейердал основывал свои доводы на преобладании восточного направления ветров и течений в этом районе, но их нельзя назвать постоянными. Хейердал, как и де Зуньига до него, не замечали того факта, что восточные ветры и течения в силу сезонных и годовых особенностей меняют свое направление на западное. Например, Роггевену, как мы уже отмечали, не удалось высадиться на берег острова 6 апреля 1722 года из-за штормовых северо-западных ветров, а Уильям Томсон писал, что если летом ветер дует с юго-востока, то зимой он дует с юго-запада или с запада. Также нужно принимать во внимание такую природную особенность, как «Эль-Ниньо» – циклические изменения в циркуляции океана и атмосферы, происходящие в большей части юга Тихого океана в рождественские дни, за что и получили свое название («Мальш») – смену ветров на западные, которые могут стать преобладающими ветрами в этом регионе на продолжительный период, во время которого скорость Южного экваториального течения уменьшается или даже полностью изменяется.

Если сами по себе ветры и течения немного могут нам рассказать, то лучше обратиться к морским навыкам древних полинезийцев и жителей Южной Америки, чтобы понять, какая группа была лучше подготовлена, чтобы совершить длинное и опасное путешествие к острову Пасхи. Мы располагаем прекрасными, документально подтвержденными доказательствами того, что древние полинезийцы обладали удивительными морскими навыками: они преодолевали большие расстояния, путешествуя по Тихому океану, колонизировали такие обширные острова, как Гавайи и Новая Зеландия, обычно продвигаясь в восточном направлении, хотя иногда избирая и противоположное. В самом деле, нам известно из журналов, которые вели исследователи и миссионеры, что полинезийские моряки прошлых веков знали, как ходить против ветра: преобладающие юго-восточные ветры не мешали плаванию каноэ или других судов, которые легко лавировали или шли, подгоняемые веслами; и полинезийцы были хорошо знакомы с западными ветрами и часто использовали их, чтобы путешествовать на восток. За свою историю полинезийцы конечно же совершали подвиги, колонизируя каждый пригодный для обитания остров на площади 30 млн км² в Тихом океане, что было справедливо названо «великой морской сагой всех времен».

С другой стороны, у нас нет убедительных доказательств того, что древние южные американцы совершали подобные океанские плавания; нет указаний на то, что в ранние века нашей эры (или даже позже) индейцы из Южной Америки были способны передвигаться сами и перевозить своих домашних животных на столь большие расстояния. Хотя, впрочем, находки гончарных изделий показывают, что некоторые южные американцы достигли Галапагосских островов, которые расположены на 960 км западнее Эквадора. Известно, что в этой части северо-запада Южной Америки, в отличие от Перу, имелись доисторические плоты с опускным килем и парусами, которые могли выдержать долгое плавание и достичь границ Перуанского берегового течения. Однако между Южной Америкой и Полинезией расстилаются тысячи миль открытого океана, разрезаемые Галапагосскими и некоторыми другими прибрежными островами; так что эти пустые моря с островами вблизи побережья Южной Америки не могли стимулировать или вдохновлять развитие морских путешествий на дальние расстояния. Большинство плаваний проходило в зоне с очень устойчивой погодой – ветра и течения набирали силу только далеко в море. После экспедиции «Кон-Тики» Хейердал научился у южных американцев, как направлять плот, манипулируя килем и парусом, так что судно становилось легко управляемым, как любая лодка, и могло плыть в любом направлении. Но если это могли делать южные американцы, почему не могли также и полинезийцы? Вдобавок стоит помнить, что плавание вдоль континентального берега сильно отличается от плавания между островами тем,

что вы всегда знаете, где находитесь, и вам нужно лишь плыть на восток, чтобы достичь какого-то места на берегу.

Остров Пасхи чрезвычайно изолирован, он настолько удален от материков, что скорее всего его могли обнаружить лишь однажды. И даже если какое-то случайно проходящее мимо судно и достигло этого крошечного клочка земли, следуя с востока или запада, маловероятно, что оно могло вернуться на родину и указать другим кораблям путь на остров. Большинство специалистов считают невозможным такое путешествие в доисторическое время, а многие полагают, что оно было предпринято лишь однажды.

Несмотря на эти факты, Хейердал пытался убедить нас в том, что некоторые предприимчивые путешественники из древнего Перу не только добрались до острова Пасхи, но и пошли дальше на запад, выкрали нескольких полинезийцев и привезли их назад. Если допустить, что перуанцы сохраняли связи со своей родиной, все это говорит о том, что южноамериканцы были способны плавать в восточном направлении, несмотря на преобладающие течения и ветры!

Нам представляется более разумным основывать свои рассуждения на доказанных навыках и длительных путешествиях древних полинезийцев. Мы считаем, что они были способны добраться не только до Рапа Нуи, но, возможно, и восточнее, то есть достичь Южной Америки и, вероятно, даже удачно вернуться в Полинезию: американский исследователь Дж. Ирвин считает этот сценарий более правдоподобным, чем то, что он называет «американским приключением Хейердала». Существуют некоторые доисторические находки в Чили, которые могли иметь полинезийские корни, тогда как найденные на острове Пасхи наконечники копий сложно отнести к определенному времени, и они могут просто отражать вывоз островных предметов с острова начиная с XIX века. Любые возможные влияния Нового Света на Полинезию не обязательно были связаны с путешествиями американских индейцев...

Морские навыки древних полинезийцев очевидны, они отражены в целом ряде традиций и легенд острова Пасхи. Весь богатый фольклор островитян подтверждает доводы в пользу колонизации острова с запада.

Устные предания

Одна из наиболее известных легенд острова Пасхи описывает, как Хоту Мату, первый правитель на острове, приплыл с запада, держа курс на восходящее солнце, и что его домом был остров Хива. Стоит обратить внимание на то, что это название встречается несколько раз (Нуку Хива, Фату Хива, Хива Оа) на Маркизских островах, расположенных на расстоянии 3641 км к северо-западу от острова Пасхи. Поэтому отец Себастьян Энглерт, один из самых крупных экспертов прошлого века по культуре острова, считал, что именно оттуда и приехал Хоту Мату. Если остров Пасхи был колонизирован с Фату Хивы, можно с иронией отнестись к тому, что именно с этого места Хейердал впервые начал свои поиски, чтобы доказать обратное.

Более того, в легенде говорится, что когда Хоту Мату почувствовал приближение смерти, он пошел в священное место в Оронго (самая западная точка острова) и обратился к своей родине. Действительно, по полинезийской традиции самая западная часть земли считается местом, с которого души покидают этот мир. Имссис Рутледж слышала эту сказку и подчеркивала, что Хоту Мату «смотрел мимо островка Моту Нуи в направлении Марae-Ренга... на свою бывшую Родину». По мнению Альфреда Метро, островитяне знали лишь название земли своего первого предка, «большой остров, расположенный к западу, называемый Марae-Ренга. Там было тепло и на нем было много деревьев». Конечно, это был полинезийский остров. Корабельный врач Палмер с судна «Топаз», которое заходило на Рапа Нуи (остров Пасхи) в 1868 году, писал, что островитяне тех дней верили в то, что остров Рапа, расположенный в 3432 км к западу, был их настоящим домом. В 1882 году У. Гейзелер записал одну историю аборигенов острова Пасхи, из которой следовало, что их предки приплыли с Рапа и сошли на берег в Винапу, и другую историю, по которой они приплыли с Галапагосов и пристали к берегу в Анакене, но в целом появились с запада.

Полинезийские мореходы широко использовали каноэ и парусники для преодоления огромных водных пространств Тихого океана

Ведущий специалист по полинезийской археологии Йосихико Синото, многие годы работавший на Маркизских островах, отмечал, что «когда я впервые посетил остров Пасхи, казалось, что я возвратился домой». В двух этих местах было столько схожих черт в материальной культуре и языке, что Кеннет Эмори, замечательный специалист по полинезийской археологии, пришел к выводу, что доисторическая культура острова Пасхи могла развиваться из культуры полинезийцев, прибывших однажды с Маркизских островов, которые были достаточно оснащены, чтобы колонизировать необитаемый вулканический остров.

Хейердал отличался чрезвычайно избирательным подходом к устным преданиям: он начинал с мифа, а потом пытался подкрепить эту картину конкретными доказательствами. Он отбрасывал легенды, в которых говорилось о том, что островитяне приплыли с запада (то есть из Восточной Полинезии). Между тем нужно было отнестись с вниманием к тому факту, что легенды острова начали собирать только в конце XIX века, а к этому времени население было на грани вымирания и несколько выживших стариков могли слабо разбираться в старинных преданиях, к тому же они знали о существовании Перу по набегам на остров охотников за рабами. Но Хейердал твердо придерживался выбранного им сценария.

Рисунок островитян на каноэ, сделанный в наше время

Однако в современной антропологии «материал воспоминаний» в основном интерпретируется как ключ к современным социальным отношениям, а в качестве исторического источника его ценность очень ограничена. Некоторые ученые неохотно используют этот материал, чтобы восполнить пробелы в археологии. Но если ученые предпочитают работать с археологическими и этнографическими данными, используя устные предания (которые обычно бывают аллегорическими или метафоричными) только для того, чтобы подтвердить информацию или внести дополнительные краски в материал, то Хейердал поступал с точностью наоборот. Даже в выбранной им истории он считал некоторые части заслуживающими доверия (направление, откуда приплыли колонисты, описание их земли), а другие части отвергал как аллегорические (например, что первые два путешественника были братьями; а также тот факт, что даже в легенде, указывающей на восточное происхождение островитян, говорится, что их родиной была группа островов).

В действительности, легенда, выбранная Хейердалом, не заслуживает пристального внимания; в начале в ней говорится, что Хоту Мату нашел остров пустым, далее встречается противоречие, когда упоминается, что его брат Мачаа уже был к тому времени на острове, приехав на два месяца раньше. Трудно поверить в то, что двум путешественникам удалось достичь одного и того же изолированного островка, только лишь держа курс на запад. Ниже мы познакомимся с ботаническими данными, которые также опровергают некоторые аспекты этих легенд. У. Том-сон записал эту историю в 1886 году, пробыв одиннадцать дней на острове; спустя лишь 28 лет миссис Рутледж, которая провела там шестнадцать месяцев, интенсивно собирая информацию, никогда не слышала эту историю. Ее информаторы не знали (как и большинство тех, с кем общался Томсон) и не утверждали, что их предки приплыли с двух соседних островов, известных как Марае-Ренга и Марае-Тохио.

Короче говоря, опираться на устные предания чрезвычайно опасно: как мудро замечала миссис Рутледж: «Было намного труднее собирать факты у людей, чем работать с камнями... трудно добиться правды от нетренированного ума... когда память размыта, есть постоянная

тяга перейти от воспоминаний к вымыслу... Информация, полученная в ответ на вопросы, по большей части чрезвычайно мифологична». В другом месте она добавляет, что «высказывания полинезийцев совершенно не точны. Часто они сами не знают, когда говорят правду, а когда опираются на свое воображение».

Так что ко всем легендам, записанным на острове, стоит относиться с недоверием. Но если и следует учитывать устные предания, как на том настаивает Хейердал, то тогда его любимая версия о происхождении островитян кажется неточной, непоследовательной, ошибочной. Все другие версии, собранные и до него, и после, указывают на запад.

При изучении растений острова фольклорный материал может ввести в заблуждение: например, анализ пыльцы показал, что деревья торомиро существовали на острове за тысячи лет до появления на нем людей, тогда как в устных преданиях говорится, что эти виды, наряду со всеми другими полезными растениями, были привезены Хоту Мату, первым правителем: вот и полагайся на устные предания!

Ботанические данные

Теории Хейердала о колонистах из Нового Света бросает вызов таксономия (систематика), ведь на острове не было кукурузы, фасоли и кабачков – основных продуктов, используемых в Южной Америке – на момент появления европейцев; тот же результат дал первый анализ пыльцы, проведенный по инициативе Хейердала.

Полученные данные ставят под сомнение заявление Хейердала о перуанском происхождении тотора (*Scirpus giragius*), его раз – новидности, растущие на острове, отличаются от своих перуанских собратьев (хотя похожи на те виды, которые встречаются в Чили) и могут размножаться семенами, которые могли быть перенесены на остров с помощью ветра, океана или птицами. В таком способе транспортировки нет ничего странного. Так, Чарлз Дарвин смыл с лап морских птиц семена пятидесяти двух видов растений. Тавай (*Polygonum acuminatum*), возможно, также размножались семенами и могли быть занесены птицами из разных мест. Тот факт, что это растение встречается в Южной Америке, не подтверждает теорию Хейердала, потому что эти семена могли быть перенесены птицами из Южной Америки, скажем, на Маркисские острова в давние времена, а потом люди привезли их оттуда на остров Пасхи. Такой факт был бы неудивительным, ведь этому растению приписывают лечебные свойства. Между тем анализ пыльцы не дает ответа на вопрос, существует ли растение на острове с древних времен.

И на Гавайях, и на острове Пасхи существует одинаковое название для тотора, что показывает, что это слово должно было появиться с общей родины, где рос подобный тростник до того, как эти острова были колонизированы. Как бы то ни было, все эти доказательства получили академическое признание после того, как сделанный Джоном Флинли анализ пыльцы показал, что тростник существует на острове Пасхи по меньшей мере 30 000 лет! Он не дает нам информации о какой-либо связи с Новым Светом. Кроме того, мы знаем, что во время приезда Роггевена в 1722 году аборигены «подплыли на плотах из связанного тростника»; у них не было лодок из тростника, подобных тем, что делали из этого растения в Южной Америке.

Теория Хейердала о южноамериканском происхождении чилийского перца представляется крайне сомнительной. Как свидетельствует испанский отчет за 1770 год, островитяне выращивали чилийский перец, наряду с бататом и бананами; Хейердал утверждал, что чилийский перец невозможно перепутать ни с каким другим растением на острове, другие ученые предполагали, что его, возможно, спутали с растением местного происхождения *Solanum forsteri*, которое называли попоро, или поропоро. Примечательно, что ботаник капитана Кука, Джордж Форстер, который посвятил довольно много времени подобным, никогда не упоминал в своих отчетах о чилийском перце...

В действительности, австралийский исследователь Роберт Лэнгдон считает, что вся история с чилийским перцем основана на неправильном переводе слова *guineos* как существительного, а не как прилагательного, описывающего бананы («*guinea plantains*»). Однако он также считал, что из-за другой ошибки был скрыт факт существования американского растения маниока (тапиока) на острове Пасхи: в оригинале испанского отчета за 1770 год использовалось слово *юкка*, которое было переведено как таро или осталось непереуведенным. Теория Лэнгдона не вызывает большого доверия: во-первых, она опиралась на свидетельства нескольких испанских моряков XVIII века; возможно, никто из них не имел большого опыта в идентификации растений. Во-вторых, Форстер, первый ботаник, который посетил остров, сделал запись о таро, а не о маниоке всего лишь четыре года спустя; а сам Лэнгдон подчеркивал, что Томсон не упоминал это растение в своем подробном списке. Вряд ли эту культуру можно было пропустить, ведь она не является сезонной, у нее большая и характерная верхушечная поросль; тем не менее она не упоминалась ни в одном отчете до скрупулезного ботанического

исследования, сделанного в 1911 году! Лэнгдону пришлось придумать сценарий, по которому полинезийские колонисты не обращали внимание на растение, которое было им незнакомо; так что маниока, о которой, возможно, писали в 1770 году, вымерла, но до 1911 года растение вновь ввезли на остров...

Что касается хлопка, ни одна из трех первых европейских экспедиций (Роггевена, Гонсалеса, Кука) не находила его, и мы знаем, что Лаперуз, следующий европейский путешественник, посетивший остров в 1786 году, посеял некоторое количество семян хлопка. В первом ботаническом исследовании, проведенном на острове в 1911 году, было описано несколько отдельных полудиких экземпляров хлопка, и утверждалось, что они были завезены на остров в 1860-х годах. Более того, не было отмечено никакого слова для обозначения этого растения в ранних словарях, составленных на острове. Единственные ткани, которые видели на острове первые европейцы в 1722 году, были сделаны из тапы, нетканого материала из древесной коры шелковицы бумажной: в это время даже полинезийцы, которые знали о существовании хлопкового растения (такие, как таитяне), не умели прясть и ткать его, тогда как доисторические перуанцы были прекрасными специалистами по обработке хлопка. Полное отсутствие и незнание тканых материалов на острове Пасхи явно доказывает отсутствие всякой связи аборигенов острова с Перу...

Остается лишь одна возможная ботаническая связь между островом и южноамериканским материком – батат (*Ipomoea batatas*), который конечно же существовал на острове в 1722 году. Хейердал считал, что он появился прямо из Южной Америки, хотя и допускал, что батат мог попасть с Маркизских островов. Даже если он и «добрался» до острова из Нового Света, это никак не подразумевает наличия прямых контактов между островом Пасхи и материком. Мы так и не знаем, как и откуда растение было привезено в Океанию из Южной Америки и было ли это на самом деле (существуют дикие виды этого растения на юго-востоке Азии). Многие ученые считают, что его могли распространить птицы, или семена могли попасть другим естественным путем. По мнению Дугласа Йена, есть лингвистические доказательства того, что растение появилось в центре Восточной Полинезии примерно между III и VIII веками и оттуда широко распространилось. К сожалению, хотя его пыльцевые зерна довольно крупные и имеют характерные особенности, они не сохранились в осадочных породах и их не удалось обнаружить в породах кратеров на острове Пасхи, что могло бы пролить свет на его историю на Рапа Нуи.

Итак, что мы имеем в результате? Не существует веских доказательств перемещения какого-либо известного растения из Нового Света в Полинезию. И даже если батат был каким-то образом получен из Нового Света, это существенно отличается от переноса всех аспектов материальной культуры и религии американских индейцев, равно как от переезда достаточного количества самих индейцев. Вот на эти проблемы мы и должны теперь переключить внимание.

Искусство и артефакты

Что же может сама археология рассказать нам о происхождении жителей острова Пасхи? Научные работы и раскопки, сделанные в XX веке, и особенно в последние десятилетия, привели почти всех специалистов по археологии Южной части Тихого океана к следующему убеждению: артефакты с Рапа Нуи имеют явно полинезийское происхождение, близки материальной культуре восточных полинезийцев и не вступают с ней в противоречие.

Например, многие ранние европейские путешественники, побывавшие на острове, включая испанцев в 1770 году, Форстера в 1774 году (который даже сделал рисунок) и Лаперуза в 1786 году, отмечали, что к каное островитян были прикреплены аутригеры (балансиры). А так как аутригер является изобретением народов, относящихся к Австронезии (родом из Юго-Восточной Азии), то это служит еще одним указанием на то, откуда приплыли островитяне.

Несмотря на утверждения Хейердала, рыболовные крючки на Рапа Нуи типично и определенно полинезийские, они показывают неразрывную связь с группой людей, жившей в Аху Винапу в 1220 году. Это доказывает отсутствие важных элементов неполинезийского происхождения в культуре острова Пасхи; например, использование острых загнутых концов также является характерной особенностью рыболовства на Маркизских островах в отличие от крючков с зубринами, распространенных на Гавайях и в Новой Зеландии. С другой стороны, крючок, состоящий из двух частей, был местным изобретением, его можно сравнить с новшествами, появившимися на Гавайях и в Новой Зеландии. Особенно важно то, что во время раскопок, проведенных в 1980-х годах в Анакене музеем «Кон-Тики» (в месте первого поселения на острове Пасхи, где Хейердал ожидал обнаружить какую-то связь с Южной Америкой), натолкнулись на костяной гарпун, равный 6 см, идентичный образцам, найденным на Маркизских островах, относящийся по времени примерно к 1200 году, а также нашли полинезийские напильники для кораллов, кости полинезийской крысы и красной азиатской кустарниковой курицы. Если даже Хейердал и признал, что остров был полон полинезийцев, когда приехали европейцы, и если полинезийцы с самого начала были на нем, то где же южноамериканцы? Он никогда не брался за разрешение этой дилеммы.

Инструменты для обтесывания камня на острове соответствуют простым формам очень ранней стадии (1100 годы до н.э.) развития подобных инструментов в Восточной Полинезии. Хотя из-за изолированности Рапа Нуи многие усовершенствованные формы инструментов, развившиеся в остальной части Восточной Полинезии, и не дошли до него, позднее на острове появились собственные разработки, такие как четырехугольный струг с выдолбленной ручкой. Большая часть материальной культуры острова также отражает сходство с культурой Восточной Полинезии (в особенности Маркизских островов), а также новшества, связанные с длительной изоляцией и приспособление к местным условиям (таким как сравнительная редкость использования больших черепаховых панцирей для изготовления инструментов и избыток обсидиана). Отсутствие на острове Пасхи характерных для Полинезии ступок для приготовления еды определенного обструганного типа, которые появились в Центральной Полинезии к 1000 году, указывает на колонизацию острова в первые века нашей эры. Хейердал нашел доказательства регулярных приездов южноамериканцев на более близкие Галапагосские острова – примерно 2000 фрагментов 131 горшочка, 44 из них точно изготовлены до инков в Южной Америке. Но на острове Пасхи нет никаких следов текстиля, так же как не найдено доисторических глиняных черепков, а ведь это два наиболее характерных и распространенных изделия перуанской культуры! Даже если южноамериканцы не привезли с собой керамические изделия, они могли выработать некоторые на острове: Карлайл Смит, один из археологов, взятых Хейердалом на Рапа Нуи в 1955 году, нашел источник прекрасной гончарной глины на острове, во влажном месте западного склона Рано Рараки. Он сделал из нее небольшой глиня-

ный сосуд и успешно обжег его. Конечно же то же самое мог сделать любой гончар из американских индейцев...

***Уникальная базальтовая статуя весом 4 т. и высотой 2,5 м.,
перевезенная англичанами в 1868 году в Британский музей в Лондоне***

Однако те же доводы не применимы к полинезийцам; хотя ранний доисторический период западной Полинезии характеризуется декоративной керамикой Lapita, на смену которой к первому тысячелетию до н.э. пришли простые гончарные изделия, к 200 году она полностью исчезла на островах Самоа и Тонга, а к 300 году и во всех других местах. Возможно, что после этого времени нигде в Полинезии не изготавливали гончарные изделия, может быть, из-за скудности запасов глины на этих базальтовых и коралловых островах. Другими словами, полинезийские колонисты острова Пасхи могли быть и незнакомы с гончарным делом, в отличие от американских индейцев.

По иронии судьбы оказалось, что в одном месте все же нашли керамику: Хейердал показал островитянам несколько глиняных черепков из Перу в надежде на то, что подобный материал может отыскаться на Рапа Нуи. Вскоре один человек принес отполированные красные осколки сосуда и объявил, что они из разграбленной могилы в Аху Тепеу. Археологи не нашли там изделий из глины, конечно же вся история оказалась обманом, а осколки были от старинной чилийской вазы. Островитяне стремились найти то, что нужно «сеньору Кон-Тики», а воодушевившийся Хейердал не мог поверить своим ушам, когда узнал правду, настолько сильно он хотел, чтобы гончарные изделия были обнаружены.

Не стоит придавать большого значения тому, что некоторая доисторическая керамика была найдена на Маркизских островах, которые были колонизированы к I веку до н.э., ведь вся она была привезена с Запада. Некоторые каменные чаши на острове Пасхи идентичны по форме с ободком глиняным чашам из Самоа; было сделано предположение, что подобные каменные чаши, которые оказались копиями поздних полинезийских простых керамических изделий, могут быть доказательством ранней колонизации Рапа Нуи.

Следующим доводом против сильного южноамериканского влияния является полное отсутствие метода выдавливания с помощью каменных инструментов во всей Полинезии. Этот метод был широко распространен в Новом Свете, он включал выдавливание осколков камня из породы, в противоположность их отбиванию; он рано появился и использовался долгое время,

так что американские индейцы, добравшиеся до острова Пасхи, обязательно использовали бы его, тем более что островной обсидиан очень подходит для работы этим методом. Уильям Мюллой, ранее известный своей работой о культуре американских индейцев, написал, основываясь на этих фактах, что он «не уверен, ступала ли когда-нибудь нога американского индейца на остров». И конечно же Хейердал ничего не говорит о полном отсутствии южноамериканской металлообработки на острове Пасхи!

На этом мы закончим обсуждать артефакты. А что же можно сказать о монументальных площадках, или платформах, и резьбе? Безусловно, можно найти сходные черты в формах, сделанных на острове Пасхи и в Южной Америке, – в конце концов, существует множество форм, в которых могут быть выполнены простые монолитные статуи людей, но в утверждениях Хейердала здесь также много противоречий, когда желаемое принималось за действительное. Даже те немногие американские антропологи, которые верят в контакты между Новым Светом и другими частями Тихого океана, находят очень странным то, что Хейердал чаще указывал на сходство между культурами Рапа Нуи и Тиауанако с центром на озере Титикака, чем на сходство с прибрежной частью материка. Более того, «имперская» фаза в Тиауанако началась в VIII веке, а ее влияние на береговую часть началось несколько позже, так что если первые колонисты добрались до острова до 400 года, как считал Хейердал, то как же они могли принести с собой культуру Тиауанако? В то время на Перуанском побережье был период культуры мочика. Для того чтобы преодолеть противоречия, Хейердалу нужно было отбросить две сомнительные датировки по радиоуглероду на Рапа Нуи (318 год, определенный по тростнику из могилы Аху Тепеу I, и 386 год, вычисленный по древесному углю в котловане Пойка) как несостоятельные (например, уголь мог быть природным) и считать, что первые колонисты появились в 690 году (следующая ранняя датировка) – но все равно это слишком рано для влияния классического Тиауанако!

Более того, точная сборка больших многоугольных блоков началась в Перу после 1440 года, но на острове Пасхи еще до 1200 года были подобные обработанные каменные статуи (в Тахаи). Хейердал относил Винапу I (с подогнанными блоками) к раннему периоду, но было доказано, что скорее всего статуя датируется 1516 годом, тогда как Винапу II действительно был сделан ранее (857 год) и представляет собой неровную, типично восточнополинезийскую облицовку вертикальных плит. В действительности один блок, взятый из Винапу II, встроен в основание Винапу I! Так что если более поздняя дата постройки Винапу I соотносится со временем использования подогнанных блоков в Андах, то явная полинезийская структура относится к более позднему периоду в том же месте.

В любом случае платформы острова Пасхи соответствуют традиции и плану марае (местам поклонения богам предков и социально-религиозным центрам) в Восточной Полинезии, а не храмам в Андах: по сути Аху Тепеу I (сделанный в IV веке) имеет очень большое сходство с марае на острове Тимое, недалеко от Мангаревы. Что касается каменных стен, то специалисты из Анд отметили, что их тип не соответствует классической кладке, принятой у инков. Более того, в отличие от сплошных блоков, используемых в Перу, «стены» острова Пасхи в действительности представляют собой обточенные плиты, маскирующие булыжники, так что сходство с гигантскими блоками может быть лишь кажущимся. Метро подчеркивал ошибочность такой аналогии.

Предполагалось, что умение островитян работать с камнем развилось из их знаний плотницкого дела и деревообработки, такого как изготовление досок, нужных для каноэ. Но это не было уникальным явлением на Рапа Нуи: платформы для домов на Маркизских островах, считающиеся самыми красивыми в Полинезии, были построены из прекрасно подогнанных, но неотесанных гигантских базальтовых глыб: платформа для танцев Юаха-ке-куа построена из камней весом от 3 до 5 тонн каждая. Можно также отметить чрезвычайно высокий – 5 метров – каменный дольмен «Хаамонга а Мауи», относящийся примерно к 1200 году, на острове

Тонга, напоминающий дольмены Стоунхенджа и сделанный из коралловых глыб весом от 30 до 40 тонн. Полинезийцы были хорошо знакомы с обработкой камня и работой с массивными блоками. Что бы ни говорил Хейердал, они также умели возводить сложные сооружения с выступами; нет убедительных доказательств того, что они были построены раньше, чем дома в форме лодки (несомненно, что каменотесы Оронго использовали бордюрные камни из таких домов для своей работы!), и больше похоже на то, что каменные дома со ступенчатой крышей являлись местным изобретением, которое было связано с наличием ровных и тонких базальтовых пластин и, возможно, со скудостью материалов, из которых строили жилища из столбов с тростниковой крышей. А возможно, жители просто хотели строить более прочные здания. В любом случае дома с выступами также существуют на Гавайях и ассоциируются с мастерством «полинезийских рыбаков». Дома в форме лодки явно напоминают эллиптические сооружения на Мангареве, Рапа и Туамоту; бордюрные камни же, которые используются для украшения жилищ на острове Пасхи, также встречаются на Мангареве и на островах Общества.

Более того, «головы-валуны» Хейердала – это вновь вырезанные фрагменты туфа с Рано Рараку, которые были целыми статуями классического типа. Прямоугольные человекоподобные колонны стали использоваться в XIX веке в Винапу и, вероятно, являются более поздними, а не более ранними формами.

Теперь о том, что касается коленопреклоненной статуи «Тукутури» и ее мнимого сходства с тиуанакским аналогом (Хейердал приводил их как один из важных аргументов культурных контактов). Часто ученые отмечали, что не существует доказательств, подтверждающих ее раннее происхождение, и несколько ученых, включая Себастьяна Энглера, воспринимали ее как стилистически очень позднюю скульптуру, напоминающую полинезийских «тики» (их поза хорошо известна на острове Пасхи и используется певцами на фестивалях). Замечено, что коленопреклоненная статуя на Тиуанаке не имеет какого-то сходства с экземпляром на острове Пасхи кроме самой позы, в любом случае лицо последней из двух статуй слишком сильно пострадало от атмосферных воздействий, чтобы можно было проводить какие-то глубокие сравнения. Фигура «Тукутури» сделана менее угловатой и более натуралистичной, а лицо вырезано под другим углом: чем больше смотришь на эти две статуи, тем меньше сходства находишь в них.

Аналогии, проведенные Хейердалом, не нашли поддержки у специалистов по полинезийской или южноамериканской скульптуре. Хейердал также сравнивал другие образцы искусства острова Пасхи и Южной Америки, и некоторые примеры были более правдоподобны, чем другие. К сожалению, некоторые черты, такие как предполагаемые «кошачьи» или «индюшачьи», кажутся игрой воображения: Уильям Томсон обнаружил, что единственное наскальное изображение человека-птицы в Оронго с лицом Маке-маке, основного божества, напоминало декоративный камень, который он видел в Перу (хотя он и подчеркивал, что не знает других примеров сходства между реликтами, найденными на острове и в Перу). Однако в его описании этой фигуры отсутствует птичий клюв; Хейердал ухватился за его неудачное и неточное описание рук и ног, похожих на лапы с когтями, посчитав их «кошачьими» чертами, и, следовательно, связью с Новым Светом.

Еще одной ошибкой этого типа была иллюстрация А. Лавашери – нарисованное лицо в пещере на Моту Нуи со «следами слез» – по мнению Хейердала, это явная южноамериканская особенность, хотя линии на лице просто очерчивали форму носа.

Что касается попытки Хейердала связать известный на острове Пасхи мотив человека-птицы с Новым Светом, то подобные аналогии можно провести и в других направлениях, например, есть сильное сходство между изделиями острова Пасхи и Соломоновых островов, где сидящие фигуры людей с головами птицы фрегата были вырезаны для украшения носа каноэ и служили буйками. Более того, мотив человека-птицы распространен и свойственен искусству островной Полинезии (то есть охватывает остров Пасхи, Гавайи и Новую Зеландию).

Американский специалист по наскальной живописи Джорджия Ли изучала петроглифы на Гавайях и описала человеческие фигуры, сидящие на корточках, которые «имели поразительное сходство» с человеком-птицей с острова Пасхи. Однако, вместо того чтобы делать упрощенные выводы о прямом контакте жителей этих двух мест, она предпочитает видеть сходство, отражающее общую полинезийскую традицию.

Нельзя не исключить также другой фактор: в гавайском искусстве наскальной живописи был мотив «полумаски», который имеет огромное сходство с подобными изображениями на острове Пасхи, равно как и с бесчисленными лицами с большими глазами в искусстве Маркизских островов.

Деревянные статуэтки, изображающие мужские фигуры на Рапа Нуи, напоминают определенные деревянные образцы на Гавайях, в них похоже выделены ребра и позвоночник, тогда как удлинённые мочки ушей с затычками можно найти на Маркизских островах и Мангареве – эти два фактора в числе прочих ставят под сомнение идею Хейердала об американском происхождении культуры пасханцев. К тому же более пристальное изучение астрономической разметки на Рано Кау, которую Эдвин Фердон принял за доказательство солнцепоклонничества на острове, что было подхвачено Хейердалом, показало, что такая солнечная обсерватория была бы безнадежно неточной, особенно потому, что линия горизонта лишь смутно видна в этом направлении. Таким образом, еще одна характерная особенность Нового Света оказалась миражом.

Х. Рамирес недавно наглядно показал в своей книге об острове Пасхи, как Хейердал смешивал примеры из отдаленных мест и разных времен и племен – Тиуанако, моче, инков – для построения своей теории, а также опускал ту информацию, которая не ложилась под его теорию, например, о глиняном фризе в Тукуме («его не нужно учитывать, этот человек-птица, держащий яйцо, является птицей из культуры моче, держащей что-то напоминающее яйцо») и описание весла с двумя лопастями, которое «всего лишь весло моче».

Доступные археологические данные демонстрируют преемственность материалов несомненно полинезийского происхождения: эта преемственность нашла отражение в артефактах, в местоположении, планировании, строительстве и в использовании типично полинезийских ритуальных платформ, и она находится в явном противоречии с «прорывом», необходимым для теории Хейердала о приходе двух совершенно различных народов. Даже если признать правомерными некоторые сравнения Хейердала с образцами южноамериканской культуры, очевидно, что абсолютное большинство материальной культуры острова Пасхи явно указывает на западное происхождение. Могут ли язык и физическая антропология пролить свет на этот вопрос?

Лингвистика

Почти во всех последних работах на эту тему прослеживается полинезийское происхождение языка острова Пасхи. Некоторые слова, например, «рокі» для обозначения ребенка, являются уникальными для острова и связаны с длительной изолированностью островитян от своих корней (считается, что остров Пасхи стал изолированным от остальной части Восточной Полинезии до колонизации Гавайских островов и Новой Зеландии); однако Тур Хейердал все равно рассматривал эти местные слова не как полинезийские, а как заимствованные из Нового Света. Например, он указывал на слова, обозначающие числа от одного до десяти, записанные испанскими путешественниками в 1770 году; но как отмечал Метро, испанцы провели на острове всего шесть дней и были совершенно незнакомы с полинезийскими языками, так что любая информация, полученная ими, почти наверняка искажена. Спустя всего четыре года Кук, в команде которого был таитянец, способный общаться с островитянами, записал правильные названия чисел от одного до десяти, имевшие полинезийские корни, а Форстер отмечал сходство слов, обозначающих части тела, с соответствующими таитянскими словами. Так же выглядит натянутой попытка Хейердала обнаружить в слове «kumaga» южноамериканские корни: в действительности нигде на южноамериканском побережье не было людей, которые культивировали сорт батата с названием хотя бы отдаленно напоминающим слова «sumag» или «cumaga». На языке индейского племени кечуа батат называется «kamote».

Несколько других исследователей, особенно Роберт Лэнгдон и Даррелл Трион, также пытались найти в старом языке острова Рапа Нуи связь между Полинезией и Южной Америкой: они утверждали, что во время контакта язык острова состоял из трех элементов, один из них был западнополинезийского происхождения, другой – восточнополинезийского, а третий – неопределенного. Первые два элемента якобы объединялись на острове Раиваваэ, расположенном в 500 км к югу от Таити, и этот язык затем попал на остров Пасхи не позднее XVI века. Третий элемент, состоящий из слов, не встречающихся в других полинезийских языках, сохранил следы другого, не полинезийского языка, который мог прийти только в древние времена с востока.

Однако другие специалисты, такие как Роджер Грин и Стивен Фишер, показали, что это мнение основано на слабых и выборочных фактах и что в действительности нет убедительных доказательств существования до-полинезийского языка или так называемой второй волны полинезийских иммигрантов на остров Пасхи. И другие специалисты не поддержали эту гипотезу. Лэнгдон и Трион придумали очень сложную картину с заокеанскими влияниями и повторяющимися заимствованиями, которые не обнаружены в лингвистике острова Пасхи. Традиционная точка зрения намного проще и лучше объясняет сведения, давая разумное объяснение: то есть язык острова Пасхи относится к восточной полинезийской подгруппе.

Некоторые слова островного языка указывают на явные связи с центральной восточной группой полинезийских языков, тогда как другие кажутся связанными с западной Полинезией. Все названия местностей полинезийского происхождения. Попытки глоттохронологии, используя изменения в языке, определить отрезок времени, с которого островитяне оказались отрезаны от своей родины, указывают на то, что этот процесс отделения от восточной Полинезии шел между 300 и 530 годами, возможно, около 400 года. Выдвигалось даже предположение о разделении языков в 100-е годы, хотя это и не проливает свет на то, когда этот процесс достиг острова. Однако отмечается, что это, «возможно, величайший пример изоляции, как в географическом отношении, так и во временном, известный лингвистике».

Язык пасханцев отличается от других языков в регионе некоторыми особенностями, потому что сохранил многие характерные черты, которые были потеряны на других островах. Между языками Западной и Восточной Полинезии он занимает промежуточное или «разви-

вающееся» положение. Поэтому можно с уверенностью предположить, что наряду с мангаревским, он был первым языком, который откололся от Восточной Полинезии и из-за долгой изоляции претерпевал внутренние изменения, свойственные автономному языку, теряя некоторые особенности и принимая другие, тогда как на других островах шел общий процесс введения одних новых черт и отказа от других.

Сравнение Хейердалом наскальной живописи и письма острова Пасхи с боливийскими было столь же неясным, как и его теория, касающаяся языка острова: в действительности значительно больше удивительных сходств можно обнаружить при сравнении некоторых мотивов с табличек ронгоронго и рисунков, выполненных на Соломоновых островах, и это привело некоторых ученых к убеждению, что «письмо» на остров Пасхи пришло из Меланезии. Хотя теория прямой миграции оттуда на остров Пасхи сегодня уже не выдерживает критики (в настоящее время таким местом считаются Маркизские острова или Мангарева).

Все современные специалисты, такие как русские ученые Н. Бутинов и Ю. Кнорзов, утверждают, что «письмо» на острове явно полинезийское, со знаками, отражающими местную окружающую среду и культуру; они отметили использование «бустрофедона» в Перу, но не увидели никакого сходства между знаками в этих двух местах, заключив, что остров Пасхи не заимствовал свое «письмо» из Перу, хотя и остается возможность некоторого влияния с той или иной стороны.

Выдающийся специалист по ронгоронго, Томас Бартел из Германии, говорил, что те имена, фразы и аллюзии, которые удалось разобрать на острове Пасхи, недвусмысленно указывают на полинезийское происхождение: он обнаружил в языке упоминание островов Таити, Бора-Бора, Питкерна, а также обычных полинезийских растений, которые никогда не росли на острове Пасхи. Поэтому он считал, что «письмо» возникло где-то в Восточной Полинезии – возможно, на Хуахине или Раиатеа – и оттуда попало на Рапа Нуи.

Но существуют ли какие-то доказательства приезда на остров двух разных народов? Или можно предположить, как ранее и обсуждалось, что прибывшие путешественники или потерпевшие кораблекрушение могли быть убиты или поработаны, не получив возможности ввести новые отношения?

А что говорит антропология?

С самого начала проведения антропологических анализов человеческих останков на острове, их результаты всегда указывали на запад. Размеры черепов позволили некоторым ученым, включая ведущего английского анатома сэра Артура Кейта, независимо друг от друга прийти к заключению, что они имеют скорее меланезийское, нежели полинезийское происхождение, хотя полинезийские типы и присутствовали; тогда как французский ученый Ами, работавший в XIX веке, нашел сходство между черепами с острова Пасхи и из Папуа – Новая Гвинея. Недавние анализы показали, что форма головы и расположение зубов имеют сходство с гавайскими экземплярами. Современная наука считает, что жители острова Пасхи безусловно были полинезийцами, без смешивания с другими группами; любые найденные морфологические крайности (как и в языке, и материальной культуре) можно объяснить долгим развитием в изоляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.